

4 ТО НЕДОСТАТОЧНО ЗНАТЬ О ЗНАНИИ

И. Т. КАСАВИН

С самого начала следует обратить внимание на то, что Александр Леонидович обсуждает не вопрос о том, что есть знание само по себе или как это понятие трактуется в современных когнитивных науках. Речь идет как раз о философском понимании знания и в этом смысле – об основном предмете и содержании эпистемологии как дисциплины. Эта позиция мне очень близка, и именно с данной точки зрения я и попытаюсь посмотреть на аргументы автора.

Мне представляется во многом оправданной оценка Александром Леонидовичем аналитической философии в интерпретации понятия знания. Действительно, многие дискуссии напоминают переливание из пустого в порожнее, это весьма эзотерический дискурс, выглядящий так даже для специалиста в данной области. Стандартное истолкование понятия знания, как и прежде, базируется на двух предпосылках – приоритете логических средств анализа перед философскими и специально-научной предметности перед собственно философской. Эпистемология перестает быть рефлексией о природе познающего человека в единстве его деятельностных и коммуникационных возможностей и тем самым вообще утрачивает философский статус в рамках этих логико-формалистских и натуралистических подходов.

Каким же образом А.Л. Никифоров намеревается вернуться к философскому рассмотрению понятия «знание»? Он проводит различие между тремя разными областями, к которым могут относиться наши идеи (т.е. ментальные состояния, в терминологии аналитических философов), – областью *верований*, областью *мнений* и областью *знания*. В частности, знание – это то, что нуждается в обосновании и может быть обосновано, оно intersubъективно и является продуктом особой познавательной деятельности,

оно не возникает вдруг – в отличие от веры и мнения. На этом, однако, останавливаться нельзя, считает Александр Леонидович. Философская оценка знания в его отношении к его предмету выражается фундаментальным понятием *истины*. Проверенные обоснованные предложения, в которых артикулируется знание, оцениваются как истинные. Понятия знания и истины неотделимы друг от друга: знание – это то, что оценивается как истина; истина – это необходимый атрибут знания. К мнениям и верованиям понятие истины неприменимо.

Пафос, которым отличается подход Александра Леонидовича, не может не вызывать сочувствия. В самом деле, в современном мире идейная атмосфера (да и во все времена!) замусорена мешаниной из темных суеверий и фантастических гипотез, наивных предрассудков и обрывков научных представлений, утопий и идеологических мифов. Разгрести этот мусор, отделить зерна от плевел, а мух от котлет – конечно, актуальная задача. Может ли ее решению способствовать ригористический взгляд на знание – это, на мой взгляд, большой вопрос.

Впрочем, и сам Никифоров признает, что его подход оставляет множество нерешенных проблем. Следует ли признать, что вся история до- и вненаучного познания является лишь кладбищем заблуждений? Как быть с когнитивным развитием человека до того момента, как он формирует в себе развитую способность к рефлексивной оценке? Как быть с теми нашими современниками, которые успешно трудятся, общаются, строят общество будущего, но при этом не обладают тем, что Александр Леонидович именуется знанием и истиной? Конечно, философия – это самосознание интеллектуальной элиты, но эта элита не должна столь резко недооценивать познавательный опыт всех тех, кто к ней не относится. В противном случае знание решительно отрывается от контекста своего функционирования и развития – от живого процесса познания, от деятельности и коммуникации реальных человеческих индивидов. И здесь уже не спасают ссылки на особый абстрактный способ философского рассмотрения, который на деле оказывается почерпнут, как признается мимоходом и сам Александр Леонидович, в опыте классического естествознания. Так что же? Наш докладчик попадает в ту же натуралистическую ловушку, в которой уже сидят многие аналитические философы? Однако та же реальность социально-гуманитарного знания, относительно недавно оказавшаяся в фокусе эпистемологического анализа, требует иных, неклассических представлений. Приходится скрепя сердце признавать когнитивный статус за весьма сомнительными историческими экзерсисами и экономическими моделями, психологическими метафорами, этнографическими описаниями и социологическими прогнозами. В противном случае сфера знания

становится столь узка, что уже не вмещает в себя большинство наук и дисциплин, для которых характерны несколько более слабые эпистемические критерии.

Помимо этого, трудно игнорировать урок развития философии науки последних тридцати лет. Он побуждает отказаться от элементаристского подхода к понятию знания. Отныне предметом анализа становятся не отдельные понятия (знание, мнение, вера, истина, заблуждение и т.п.), но большие когнитивно-исторические совокупности (научные теории, парадигмы, системы повседневной, религиозной, нравственной ментальности), позволяющие строить уже не родовидовое, но типологическое определение знания. Трудно получить сколько-нибудь адекватное представление о знании, если не изучить конкретные его виды и типы. Чем измерение отличается от гипотезы, наблюдение от классификации, объяснение от описания? Чем классическая механика отличается от специальной теории относительности? Чем логико-математическое знание (если Александр Леонидович его вообще признает знанием) отличается от исторического знания? В чем специфика прикладных наук (дисциплин, знаний) по сравнению с фундаментальными?

Однако ответы на эти вопросы также могут носить достаточно абстрактный характер, будучи оторваны от исторического и социокультурного контекста. Измерение в античности и в Новое время отличаются не только в степени точности. Между экспериментами Г. Галилея, Э. Резерфорда и современными виртуально-компьютерными экспериментами мало что общего. Математические языки Евклида, И. Ньютона и А.Н. Колмогорова практически не поддаются взаимному переводу. Экономике Д. Риккардо отделяет от экономики Дж. Кейнса едва ли не пропасть. Общие представления о конкретных формах и типах знания и познания обретают плоть и кровь лишь тогда, когда понимаются как интегральные измерения человека, которые вместе с тем обнаруживают себя как эволюционирующие общественные функциональные подсистемы, находящиеся в состоянии сложного взаимодействия с такими же подсистемами деятельности и коммуникации.

Наконец, весь экскурс Никифорова относится к «нашим идеям», как он сам выражается, т.е. к тому, что находится в голове. При таком подходе понятие знания (включая интерсубъективность, обоснованность и истину) обнаруживает сильную зависимость от психологии индивида и его способности к пониманию чужого сознания. На деле же когнитивным содержанием обладают все человеческие артефакты, или объективации. Их анализ позволяет воспроизводить массивы знания (расшифровка древних рукописей, рисунков и символов, исследование орудий, предметов древнего быта, искусства, архитектуры) и даже формулировать

новаторские теории (паровая машина как источник идеальной паровой машины С. Карно). Даже психологи, призвание которых, казалось бы, исследовать «ментальные состояния», обнаруживают сознание за пределами головы – в поведении, деятельности, коммуникации (Л.С. Выготский). Почему-то А.Л. Никифоров не учитывает эти обстоятельства в своем понимании знания. Но тогда психологизм самого наивного индивидуалистического свойства, который и неокантианцы, и феноменологи, и неопозитивисты все время выгоняли в одну дверь, просачивается у Александра Леонидовича в другую.

Причина этого, среди прочего, в том, что эпистемологическое рассмотрение знания внутренне недостаточно, оно должно включить в себя социально-философский и культурно-антропологический аспект, т.е. стать философским в полном объеме. Не отдельная эпистемологическая дисциплина, но лишь интегральная философия познания, философия как таковая способна дать адекватное и богатое представление о знании. Последнее в таком случае является результатом анализа реального познавательного процесса и потому наполнено конкретным содержанием; и вместе с тем оно имеет всеобщий и абстрактный характер, дабы служить познающему человеку нормой и идеалом.